‘я буду любить тебя всю жизнь’. Следует отметить, что в разных китайских диалектах цифры произносятся по-разному. Поэтому цифровая символика, как и суеверия, может различаться в разных регионах Китая.

Итак, можно сделать вывод, что омонимия в китайском языке представляет собой достаточно сложное и интересное явление, тесно связанное с культурным аспектом.

ВЛИЯНИЕ КИТАЙСКОЙ ИЕРОГЛИФИКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ЯПОНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Д. И. Пилаев

Китайский иероглиф – это письменный знак, характеризующийся своей графической формой и ассоциирующийся со словом, для записи которого он и был создан. Благодаря активному взаимодействию с Китаем японская цивилизация в самом начале своего формирования смогла перенять и адаптировать многие аспекты жизни Древнего Китая. Впервые литературные произведения на китайском языке были привезены в Японию через Корейский полуостров в IV в. н. э. Это были книги по буддизму и философии, которые в течение последующих двух веков стали объектом изучения японской аристократии.

Первоначально в Древней Японии той поры с помощью китайских иероглифов записывали тексты на подлинном китайском языке. Ярким примером является крупнейший памятник древнеяпонской литературы «Кодзики» (古事記, ‘древние хроники’), созданный в 712 г. Так как в Японии не было собственного письма, вскоре японцы начали приспосабливать иероглифы китайского языка к фонетике японского. Например, слово *гора* (по-японски 山 *yama*) в Древней Японии записывалось как 也麻: первый иероглиф произносился *ya*, а второй *ma*.

Из-за абсолютно разных языковых структур китайского и японского языков китайские иероглифы не всегда могли подходить для записи слов японского языка. Составляя документ, придворный секретарь не мог знать, какими иероглифами занести в него название японской местности, имя высокопоставленного сановника или божества: для записи имен собственных, аналогов которым не было в китайской языке, иероглифы не заимствовались.

Сохранившие свое первоначальное значение иероглифы стали произноситься двумя способами: 音読み *onyomi* ‘фонетическое чтение’ и 訓読み *kunyomi* ‘толковое чтение’. Такая двойственность произношения

китайских иероглифов в японском языке стала фундаментальной в дальнейшем развитии японской письменности.

Первый способ часто называют «сино-японским чтением» или «чтением, выкроенным из китайского». Данный вид чтение предназначен для иероглифов в связке и фонетически приближен к китайскому. Например, иероглиф 電 в связке читается *den*, что приближено к китайскому чтению *diàn*. В связке с другими иероглифами данный иероглиф читается следующим образом: 電車 *densha* ‘поезд’, 電話 *denwa* ‘телефон’, 電気スタンド *denkisutando* ‘настольная лампа’.

Фонетическое чтение 音読み также часто называют 音 *on* (досл. ‘звук’). «Оны» можно разделить на:

- 漢音 kanon, «ханьское» чтение, самый распространенный из всех «онов», популярный в Японии на протяжении VIII в. Произношение основано на говоре правящей тогда в Китае династии Тан: 行 kō – 旅行 ryokō ‘путешествие’;
- 呉音 goon, чтение «у», имеющее свои корни в окрестностях Шанхая. Данное чтение, предположительно, пришло в Японию в VI в. наряду с буддийскими сочинениями и чаще всего используется в современном японском языке для обозначение буддийских терминов: 行 gyō – 行事 gyōji ‘событие’;
- 唐音 tōon, «танское» чтение; было представлено в XIII в. в период правления в Японии династии Эдо. Произношение иероглифов было основано на говорах эпохи Сун в Китае; в современном японском языке это чтение используется преимущественно при чтении заимствованных слов и технических терминов: 行 an;
- 慣用音 kanyōon, «популярное» чтение, разработанное в результате ошибочного произношения некоторых слов, которые в последствие вошли в широкий обиход: 立 ritsu – 確立 kakuritsu ‘создание’.

Впоследствии китайские иероглифы использовались, сохраняя свое значение. Иероглифами записывались слова китайского происхождения, а также изначально японские слова с семантикой, близкой к первоначальной. Грамматические аспекты японского языка выделялись фонетически, однако впоследствии иероглифы, предназначавшиеся для этих целей, были значительно упрощены, заложив основу появившимся в будущем двум фонетическим системам японского языка – хирагане и катакане.

Хирагана произошла от китайских иероглифов. Изначально хирагана называлась 女手 *onnade* ‘женское письмо’, так как именно желающие получить образование в феодальной Японии женщины и придумали данный вид письма, в то время, как мужчины писали китайскими иероглифами. К X в. хирагана стала использоваться повсеместно. Само слово 平仮名/ひらがな ‘хирагана’ можно перевести как ‘повсеместное силлабическое письмо’.

На ранних стадиях развития хириганы зачастую для одних и тех же слогов использовались разные символы, однако вскоре слоговая система была стандартизирована. Таблица хираганы в ее нынешнем виде была принята правительством Японии в 1946 г.

Вторая силлабическая система японского языка, катакана, была получена и адаптирована из китайских надписей и аббревиатур, используемых буддийскими монахами для того, чтобы получить правильное произношение китайских текстов в IX в. Как и в хирагане, разные символы катаканы могли изначально обозначать одни и те же слоги, однако постепенно данная система была во многом упрощена и приняла свою стандартную структуру уже к XIV в.

Слово 片仮名/カタカナ можно перевести как ‘частично силлабическое письмо’, так как изначально символы катаканы означали в японском языке китайские иероглифы и лишь с течением времени стали означать слоги.

Как и хирагана, катакана состоит из сорока восьми символов. Начиная с конца XIX в. данными символами стали передавать на письме заимствованные слова, иностранные имена, а также звукоподражания. Вплоть до XIX в. все вышеперечисленные группы слов в японском языке передавались китайскими иероглифами со значением, близким к изначальному.

Также символы катаканы стали единственным возможным видом письма для народа айну, проживающего на острове Хоккайдо и Дальнем Востоке России.

После Второй мировой войны, в 1946 г., японское правительство осуществило языковые реформы, направленные на сокращения общего числа китайских иероглифов в японском языке, а также на упрощение самих символов кандзи. В Китае также проходили масштабные реформы языка, целью которых было упрощение иероглифов. В результате многие иероглифы современного китайского языка отличаются от тех, что имеют то же значение в японском языке. Например, японский иероглиф 湯 *yu* имеет значение ‘горячая вода’; в китайском же языке этот иеро-

глиф был упрощен до 汤 и имеет значение ‘суп’; 手紙 *tegami* в переводе с японского означает ‘письмо’, а в китайском языке это слово передается одним иероглифом 信 *xìn*.

В 1946 г. был выпущен официальных список кандзи, известный под названием 当用漢字 *tōyō kanji* ‘повседневные иероглифы’, в котором число иероглифов было ограничено до образца 1850 г. В течение последующих лет список исправлялся и дополнялся. К примеру, в 1948 г. был издан добавочный список из 881 иероглифов, которые должны быть выучены в общеобразовательных заведениях в первые шесть лет обучения; формы некоторых иероглифов были упрощены. Еще одна стадия упрощения кандзи состоялась в 1949 г., а в 1951 г. было добавлено еще 92 иероглифа для обозначения имен собственных.

Многие культурные организации Японии требовали от правительства увеличения количества иероглифов. В результате в 1981 г. был переиздан список иероглифов 1945 г., переименованный в 常用漢字 *jyōyō kanji* ‘регулярные иероглифы’.

Таким образом, китайская иероглифика не только стала основой для создания собственно японской письменности, но и повлияла на дальнейшее развитие японского письменного языка на протяжении всей его истории. Современная японская письменность представляет собой смешанное идеографическо-силлабическое письмо, в котором сочетаются заимствованные из китайского языка иероглифы и слоговые знаки.

Литература

1. *Головин И. В.* Учебник японского языка. Минск, 1999.
2. Интернет-ссылка: http://miuki.info/2010/09/ieroglify-i-yaponskaya-pismennost.

РЭЛІГІЙНАЕ СВЕТАЎСПРЫМАННЕ Ў МІСТЭРЫІ Т. С. ЭЛІЯТА «КАМЕНЬ» І ПАЭМЕ Ч. МІЛАША «ТЭАЛАГІЧНЫ ТРАКТАТ»

А. Ю. Пятровіч

Томас Стэрнз Эліят (1882–1965) і Чэслаў Мілаш (1911–2004), лаўрэаты Нобелеўскай прэміі па літаратуры, у свой час сталі сведкамі вялікіх трагедый і сумнеўных трыюмфаў XX ст., і гэта прывяло іх да адзінай высновы: нягледзячы на матэрыяльны дабрабыт і навукова-тэхнічны прагрэс, грамадства эпохі мадэрну цяжка хворае на бездухоўнасць. Эліят у свядомым узросце перайшоў з унітарыянства ў англіканства, Мілаш быў рыма-каталіком. Квінтэсенцыяй іх рэлігійна-